

«Где родился, там и пригодился». — мудро подмечает народная пословица. Однако наша суматошная жизнь все расставляет по-своему. Забрасывает судьба сыновей знойного юга в Заполярье, потоки казаков, как встарь, покоряют дальневосточные берега... А сердце? Сердце остается там, где впервые человек сделал шаг по мягкой, теплой земле, где трепетно обнял белый стан березки, где изумился громадности и бездонности лазурного неба...

И счастлив тот, кто память сердца пронес через годы. Кто сумел, как автор публикуемого ниже очерка Николай НАРЫШКИН, преподаватель Казанского авиационного института, активно сотрудничающий с «Советской Татарией», пронзительно сказать слово любви о своей малой родине. И в конце концов неважно, где она находится — в марийских лесах или в татарском Закамье, в Ульяновской области или в Мордовии... Это наша родная мать-земля, общая, не признающая границ. Пусть она живет и здравствует, пусть не отлучается от себя сыновей и дочерей, греет их души, несмотря на далекие версты разлуки!

Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Александр ПУШКИН.

МОЕ родовое село Кадышево расположено в живописнейшем уголке России, на границе Ульяновской области с Мордовией. Такой красивой местности во всех Европах и Америках не сыщешь! Кадышево привольно распростерлось почти на семь километров вдоль неписаной красавицы Суры — младшей сестренки Волги. С востока его окаймляют непрерывной грядой белошапковые холмы, а с запада — раскинувшийся за сурскими дугами сосновый бор. Но главное, что, видимо, притянуло основателей села, — это река Сура. Любимый человек, впервые увидевший Суру, на всю жизнь остается ее ораком. Побывав во многих уголках нашего Отечества, я так и не встретил такой ласковой и приветливой речки. Многие столетия она являлась для жителей животворящей артерией, питавшей их не только водой, но и луговой травой, рыбой, всякими съедобными растениями, ягодами, талыми, камышом...

Сура — речка хоть и немногочисленная, но истарин славилась обильным и необыкновенным по вкусу рыбой — стерляди, судака, жереха, плотвы, окуни, щуки, язя, леща, сома, пескаря... Особенно прославилась Сура не только окрест, но и по всей земле российской стерлядь. Еще в 50-е и 60-е годы нынешнего суматошного индустриального века стерляди в Суре было изобилие. Водалась она в чистой, профильтрованной лесном воде, под крутыми ярами. Ловили стерлядь взрослые и дети на врючок, бреднем и сетью. Ловили много, а запасы ее не только не скудели, а наоборот, год от года росли. Теперь почти не стало стерляди в Суре. Не стало и другой рыбы. Химизация и мелиорация за считанные годы уничтожили то, что природа создавала веками.

Я не знаю, можно ли найти где в мире такие залитые луга! Тому, кто хоть раз на них побывал, это чудо среднеазиатской природы будет снится всю жизнь. Он всегда будет видеть перед глазами волшебный пахучий цветочный ковер, сотканный изящно, нежно и просто.

К сожалению, начиная с 50-х годов неразумное вмешательство человека искорежило их девственный облик. Как только не издевались над ними! Как только не уродовали! Пьяные трактористы, бульдозеристы все подряд мяли, крушили, рыли канавы и спускали с озер воду в Суру, уничтожали кусты ежевики, смородины, шиповника...

С великой надеждой думаю, что мой четырехлетний внук Андрияш, когда достигнет зрелого возраста, эту вакханалию уже не застанет, она останется лишь в этих моих записях, а местные жители, как и их предки, будут снова вдыхать чистый воздух залитых лугов, настоящий на тысячах трав, и пользоваться лугowymi щедротами.

В окрестностях многокилометрового Присурья сформировался особый тип русского человека — красивого, сердечного, доброжелательного, милосердного, физически крепкого, духовно раздольного и очень доверчивого. На Суре мерзавцы и прохиндеи не родились!

Сурские луга испокон веков кормили человека. Не подсчитать, сколько всяких животных столетиями питалось травой и сеном с сурских лугов. Физическую мощь человеку давали добытые здесь съедобные ягоды и травы.

Не забуду свое послевоенное луговое детство. Весной, как только сходила с лугов полая вода, народ скапками тащил с них ди-

кий лук, а позозже — дятлы и борщевки. Какие пироги были с диким луком! Летом каждый день собирали и кошелками носили с лугов шипов, смородину и ежевику, боярки, черемуху, клубнику. А мы, дети, в сурских ярах высучали сотнями стрижинные яйца и мед земляных пчел.

А какое обилие здесь озер! Например Кадышево, за Сурой, сво-

песчаной тропинке. Сосны, сосны, сосны... Под ногами у вас похрустывает мох, усыпанный сосновыми ившаками, да цепляется брусничник... Вокруг видимо-невидимо маслят, часто попадается и белый грибок-боровик. Любил, да и сейчас люблю ходить в одиночку по бору. Много чего он может рассказать, многие тайны доверить, многими дарами оделить.

Великим знатоком бора и его поклонником был мой отец — Василий Иванович. За свою большую жизнь он исколесил бор вдоль и поперек тысячи раз. В бору он заготавливал мох для постройки дома, а в доловодье на долбленной лодке мы с отцом возили выкорчеванные нами пеньки на дрова. Не один центнер белых грибов, свиноехо, рыжиков, маслят многие кадышевские семьи почти ежегодно собирали в бору.

С правой стороны Суры, где стоит Кадышево, растянулись белобокне и белошапковые холмы, или, как их называют кадышевские мужики, — горы. Им дали названия:

Жемчужина России — Сура!
Фото — Н. В. Нарышкина. Лето 1996 года

койно устроились голубоглазые Промзюк, Глубокое, Большая Рассохвица, Малая Рассохвица, Кимсайдак, Притворное, Старая Сура... Мужик лето и зиму носил и носил с озер сома, щуку, красного карася, леща, жереха, сазана... Иногда под вечер на тихой глади озера такие рыбьи игры устраивались! Все озеро начинало плескаться под стройный лягушачий оркестр. Для меня так и осталось тайной: почему это лягушки так старались угождать озерным рыбам? Неужто природа так распределила обязанности: одни режутся, а другие им музыку играют?

О сурских озерах много всяких легенд среди кадышевского народа ходило. Одна из них утверждала, будто в Глубоком жил сом весом в десятки пудов. Время от времени он так начинал резвиться, что огромное озеро аж стонало. Плушнее мимо озера на базар в Промзюно его побаивались. Помню себя пацаном, с опаской пробегавшим мимо Глубокого. Такое уж тогда было время — верили в разных оборотней, леших, чудиц с хвостами... А меня еще всякими небылицами шедро подпугивала бабушка Анисья Архиповна. Вот была богатая на воображение натура! Лежа на теплой русской печке, она могла сутками, не повторяясь, рассказывать всякие истории. Каких только диковинных библейских птиц я с бабушкиной печки не видел! Зверей она вообще очеловечивала. До сих пор мне кажется, что волки, птицы, зайцы, собаки, щуки умеют говорить на человеческом языке.

Вдоль Сурской поймы раскинулось сосновый бор. В детстве я немало побродил по его глухим дебрям. Под ним, внизу, луговые черны. Червь соединяет в единое целое реку, луга и бор. Чего только в этих чернях нет! Но поднимемся по

Свальна гора, Жукова Лачужна, Баркова гора, Плечиста гора, Елховы горы, Часовенка гора, Жучкина гора, Долга гора, Караульна гора, Сурки, Каюкова гора, Абал, Поинха...

Этим летом я вновь побывал на своей малой родине и уже не увидел столетнего тополя, который своими могучими корнями сдерживал сползание на усадьбы крестьян глиняной горы и оберегал их огороды от суховей с востока. Сплеленый безжалостной рукой, тополь лежал передо мной в зарослях заманихи...

Немногие потомки старинных крестьянских фамилий остались на родимой кадышевской земле, какая-то сатанинская сила в этом суматошном, всклокоченном мире все растаскивала и растаскивала их по необъятному пространству нашей страны. Многие фамилии оборвались. При виде десятков могил, за которыми никто не ухаживает и на которых никто земной поклон не шлет, сердце кровью обливается, душа бьется в тревоге. «Ведь это все были люди!» — как говорил, вспоминая ушедших в загробный мир своих односельчан, мой стареющий отец. А мама на закате своей жизни часто поетеряла вот этот узылый стих:

Выйду я на гору высокую
И погляжу в бездну глубокую/
И увижу я там свой гроб...
Гробия ты, гробия и вечный
домня,
Сколько я здесь ни ликую,
Тебя, гробия, не мннюю...
Несок точится — постель моя.
Камни соседы мои,
Черви — дружини мои,
Сыра земля — мать моя.
Мать моя, мать моя,
Прими меня — я чада твоя,
Прими и покрой меня
Своим вкрывом...

...Очень жаль, что истории языка так, видимо, и остаются в стороне русский кадышевский диалект. А сколько филологи могли бы записать в Кадышеве песни, прибаутки, частушки, присказки и, наконец, слов! Я завел тетрадь, где начал со слов матери — Анны Михайловны — записывать кадышевские были-небылицы. Сколько поэзии, например, в напеве, который запомнила мама от своей бабушки Аринны Матвеевны. Бабушка Аринна заплетет, бывало, туго косу своей неаппетитной внученьке, слегка встучает внученьку косою по голове, любя, и начлет приговаривать:

Расти, коса, до шельжева поева
Жених — из городу.
Из проулочка — девчонка,
Оне вместе сошлись,
Схватились и покатались
К Иванову двору.
У Иванова двора
Баяя стоит нога,
Гоже выстрогана.
В этой бане — три Варвары:
Одна парит,
Друга жарит,
Третья спрашивает:
— Скажи, скажи, девчонка,
С которого числа в себе чаду
понесла?
Она сказыват:
— С первого числа в себе ча
понесла.
С масленцы-обманщицы.
Обманула и повела, меж проул
завела.
То хвосточек, то платочек,
То поцелует раз пяточек...

Однажды напела мне мама и такой шедевр кадышевского устного народного творчества:

Сладка яблонька сахаренька,
Отрасли вити до сырау земли.
Привились кудри к белому лицу.
Яво личко — точно беленькой
снежок,
Яво щочки — как в саду
розовый цвятюк.

Эту песню, сказала мне мама, пели девки в старое время на девшниках.

Многое, очень многое так и останется невозвратно потеряно. Золотые крупинки народной мудрости и поэзии, рассеянные по таким селам, как мое Кадышево, никто не собирал, и они навсегда исчезали в пропасти времени.

В Кадышеве когда-то кипела жизнь на улицах и в переулках. В конце 30-х годов отец работал в колхозе бригадиром. Он мне и рассказывал, что в ту пору на полевые работы только с улицы Чекеревки выходило ежедневно более семидесяти человек. Сейчас же здесь заброшенный пустырь, на котором в нескольких домиках доживают свой век старики. А я хорошо помню: в начале пятидесятых годов летними вечерами мимо нашего дома из Чекеревки шли ватагами парни и девушки, заливаясь смехом под незатейливые мелодии гармошек и шуточки доморощенных остряков-затейников.

Мы как-то с мамой вспоминали многочисленных кадышевских родников: Елин родник в Чекеревке, на Новой линии в Абале, Середний родник в Мазарочном овраге, Сачин родник по Щелканской дороге в лес Чугириху, Часовенский на Пузише, Бездонный и Нижний под Лысьми горами, Кузин родник на Соковой, Редькин колодец на Сечах, родник на Жуковой Лачужке...

Жители Кадышева в былые времена старательно оберегали родники. Наступило новое время — и родникам досталось: их мяли, толтали, заваливали, замусоривали, как и всю землю русскую. Люди стали забывать к ним дорогу, как и всю историю своего рода, племени, села, Отечества своего...

Николай НАРЫШКИН

Анна Михайловна Нарышкина (1903-1990) в дачном саду своего сына - Коли под Казанью. Июль 1980 г. Фото - Н. В. Нарышкина

Река Сура в летнюю тихую пору.
Фото-Н. В. Нарышкина

Василий Иванович Нарышкин
в рукотворном природном оазисе - своем Саду.
Цицифское Кадышево,
15 августа 1965 г.
Фото-Н. В. Нарышкина

